Слух исчез, зрение отказало, рядом была только боль. Я буквально плавала в ней, не желая отпускать. Она была моей подругой, она доказывала, что я еще есть. Да, я есть, а Шисуи уже нет.

Слезы не ощущались, глаза вообще были двумя пульсирующими сгустками боли. Да и плевать. Я бы с радостью обменяла один или даже оба на Шисуи, но не могу. Нельзя вернуть жизнь в обмен на зрение(напоминаю, Саске никто не учил секретным техникам Шарингана, поэтому Изанаги ей неизвестно). Ни свою, ни чужую. Смерть забирает всех окончательно, нет шансов ее обмануть, ведь даже если он переродится, это будет уже совсем другой человек.

Философствование не помогало. Отсутствие посетителей тоже. После моей истерики, меня посещал только врач, отец не приходил, брат появлялся от силы пару раз, не более. Сказать сколько времени прошло между этими появлениями, я уже не могла. Плотная повязка на глазах мешала. Снимать мне ее запретили, я даже не спрашивала почему. Мне было все равно. Осознание потери… не хотела я ее осознавать!

В моей памяти проигрывались воспоминания, первая встреча, каждый шуточный разговор после, тихие слова утешения и поддержки, иногда просто молчаливое присутствие и чувство надежного плеча рядом. Сотни картинок, но в каждой присутствовал он – Учиха Шисуи. Мальчишка, который взвалил на себя слишком многое и умер, оставив только воспоминания и ничего больше.

Внутри росла глухая злоба. Я помнила чакру тех, кто напал на него, а самое главное, я помнила одноглазого старика, что пытался забрать глаз Шисуи. Еще со времен поступления Итачи в Академию помнила. И уже не забуду эту холодную, полную злобы чакру.

Ненависть. Я ненавидела себя за беспомощность, за лень, ведь будь я чуть усерднее, записалась бы на курсы в госпитале и точно бы сумела вывести яд, но я находила кучу оправданий и не пыталась улучшить навыки ирьенина свыше даваемого клановыми учителями уровня. Именно я виновата в его смерти, но не имела права умирать. Не из-за страха, нет. Я не видела в смерти ничего ужасного, но это могло повлиять на брата, лишить его последней опоры, не дающей сойти с ума. Это не оправдание, а реальность, ведь те несколько раз, что я замечала прибывшего брата, это было, когда я спала. Он приходил и просто держал меня за руку, прижимая ее к мокрым глазам. Иногда в памяти вспыхивали фрагменты более раннего

его появления, когда я после истерики чуть не умерла. Перед потерей сознания я слышала его паникующие крики.

Нет, я точно не могла умереть и оставить его одного. Вначале стоит передать его Изуми, которая уже не так меня раздражала, забегая и щебеча что-то наивно-невинное, и дождаться первенца. В этот момент он перестанет зацикливаться так на мне, а пока этого не произошло, я должна узнать правду. Нет, правильнее сказать, я должна добраться до того старика и выжать из него все. И я не дам умереть ему просто. Он будет помнить каждую секунду проведенную в моих руках, я заставлю его потерять все, что ему дорого, но даже тогда он не сможет умереть сам. О, нет, я не ожидаю раскаяния, но больше никто не посмеет отнять у меня дорогого мне человека.

- Выглядишь отвратно, ня, - тяжелая тушка приземлилась прямо на кровать, нагло наступив на живот и потоптавшись на груди. Чужое дыхание пощекотало нос, раздался могучий чих, неко чуть не слетел с моей тушки.

- Хацуюки, - реагирую довольно вяло.

- Не только он, ня, - вторая пушистая тушка оказывается рядом. Эта поувесистее, наглее, поэтому чуть не сбрасывает меня с кровати, я лишь чудом удерживаюсь на самом краю, чуть морщась из-за впившихся в кожу когтей своего любимца. Чужое появление оказалось неожиданным не только для меня.

- Некомата, - мой голос чуть оживает, но уже к концу чужого имени вновь становится бесцветным.

- Как все запущено, ня, - насмешка звучит в чужих словах. – Хочешь узнать, почему твой ни-чан так себя ведет, приходя тайком попросить у тебя прощения, пока ты спишь в кроватке? – Я молчу, не выражая никакого интереса. – Забавно, ня, так уж и быть скажу без всяких условий, - издевка из чужого голоса не исчезает. – Твой ни-чан не захотел обострять конфликт между деревней и Кланом, что точно бы произошло, узнай кто действительно смертельно ранил

Шисуи, поэтому всем сказали, что кто-то пробрался в ваш квартал и украл милую, маленькую химе, - фырчащий смех звучит странно, слишком самодовольно. – Благо, не первый прецедент. Это и Сенджу, и чуть позже Хьюга пережили, но знаешь, что самое удивительное? – несмотря на мое игнорирование, Некомата продолжает играть интонациями, стараясь вывести меня на эмоции, и я бы не сказала, что продолжаю полностью его игнорировать. Постепенно я невольно прислушиваюсь к нему. – Не знаешь. Забавно то, что на самом деле были найдены следы неоднократного проникновения в квартал Клана, и это была не деревня. Жаль, что виновника не смогли поймать…

- И что? – говорю чуть устало, уже поняв, что неко от меня не отстанет.

- Твой Клан и деревня решили работать вместе для устранения угрозы, разве не этого хотел Шисуи, ня? – насмешка становится сильнее. – Как иронично, когда он был в полном порядке, никто об этом даже помыслить не мог, ня.

- Вряд ли он хотел умереть, - меня нисколько не трогает возможное потепление отношений, да и потепление ли? Еще меньше интересует, почему меня никто не беспокоит, хотя именно я по словам Итачи похищенная сторона, а значит и шансов увидеть похитителей было больше.

- Ты права, смерть в планы Шисуи никогда не входила, ня, - неко охотно со мной соглашается. – И? – вздыхаю и мысленно отгораживаюсь от окружающего. Я понимаю, что это неправильно, но сейчас у меня нет сил на жизнерадостного неко. Мне нужно время. – С тобой скучно, ня.

Теплое тело под боком исчезает бесшумно, будто его и не было. За передвижениями Некоматы я не могу проследить не на слух, ни по чакре. Только из-за чуть расслабившегося Хацуюки могу понять, что он ушел. Внутри небольшое облегчение. Больше никто не будет тревожить мой внутренний покой. Хорошо.

Апатия длится достаточно долго, чтобы начать вызывать беспокойство… при нормальных обстоятельствах. На деле это никого не трогает, кроме периодически приходящего Хацуюки и недовольно фыркающего Некоматы. Фукагу я не вижу вообще, а Микото я за это время даже не

слышала. Только иногда перепадает ее стряпня, но аппетита нет. Раз в день ставят какие-то капельницы и этого хватает. Постепенно восстанавливается чакра и ходить с завязанными глазами уже не так страшно. Все вокруг имеет свою чакру, даже мертвые стены. Только вот у меня нет желания исследовать этот вопрос, внутри все будто онемело, спасая от боли, но при этом отрезая и все остальные чувства.

Удивительно, но приходящие ирьенины не пичкают никакой гадостью, даже в еде нет примесей, которые можно заметить. И ладно мне, обмануть человека, даже шиноби, гораздо проще, чем неко, но даже прячущийся от чужаков Хацуюки ничего подозрительного не замечает. Всем плевать на затянувшуюся депрессию, а от взглядов охраняющих меня сокланoвцев иногда становится холодно даже мне. Не от каждого, но отдельные личности должны были бы вызвать беспокойство и будь я хоть немного адекватнее, уже давно бы попросила не подпускать их к себе, но, увы, в себя я приходила медленно. Редко обращая внимание на окружающих, просто фиксируя краем не вовсе исчезнувшего разума, что один на один с ирьенинами госпиталя меня никто не оставляет.

Спустя какое-то время у меня начинают ослаблять повязку и на ограниченное время я вновь могу пользоваться зрением. Яркие краски оглушают, давая шанс чуть вынырнуть из тьмы, что окружала меня и начать интересоваться хоть чем-то. Вялость и апатия никуда не деваются, но я начинаю ловить себя на том, что слежу за тенями или играющим с солнечным лучиком Хацуюки, а чужая речь, ранее проходящая мимо моего сознания, постепенно задерживается на задворках сознания. Это нельзя назвать возвращением, но начавший восстановление организм, уже не давал полностью спрятаться в собственном мире.

Тихий шорох привлекает внимание. Еще недавно я бы и вовсе не посмотрела в ту сторону, да и сейчас это сделать проблематично, на глазах повязка с каким-то настоем. Уже давно подсохшим и раздражающим кожу, его бы снять, но ее делали клановые ирьенины и снимали тоже обычно они. Состав этой субстанции я не знала, эту область знаний мне никто не передавал. Специально или нет, сложно сказать, но данная гадость явно была связана с додзюцу. Если верить бубнежу Хацуюки, то Клан посчитал, что известие о смерти Шисуи вызвало реакцию на пробуждение, но находящийся на грани организм не смог выдержать нагрузки и каналы чакры чуть не перегорели. В результате только своевременное вмешательство ирьенинов госпиталя спасло мне жизнь, да и зрение. На последнем моменте у меня мимолетно мелькали какие-то подозрения. Я точно помню, что во время спасения Шисуи у меня произошел качественный скачок и в глазах Шисуи я видела свое отражение с тремя (!) томоэ… это максимально возможное развитие глаз(напоминаю, у Саске нет сведений о Мангеке), так почему у меня была такая реакция? По всем известным мне теориям максимум, что могло грозить, это чакроистощение, когда у меня происходила самопроизвольная активация додзюцу! Откуда перегоревшие чакроканалы? В глазах они у меня по развитию не уступали Изуми, если не брату!

Впрочем, мысли приходили и уходили, я их даже как-то озвучила, но ответ не дослушала, потеряв интерес уже на начале объяснений. Непорядок. Может стоит вспомнить? Методики я знаю, но… желания не было никакого.

Шорох повторяется. Меня привлекает ощущение знакомой двойственной чакры.

- Даттебайо! – на тихий вскрик реагирую раньше, чем понимаю, зачем я это делаю. Повязка так и остается на глазах, но сама я оказываюсь у окна и хватаю что-то довольно тяжёлое. Еще пару дней назад, это было бы последним, что я сделала, но сейчас у меня было немного чакры и тело по большей части восстановилось. – А ты жутко выглядишь, Саске.

Вздыхаю, уже понимая, что за фрукт поймала чисто на рефлексах. Приподнимаю повязку и встречаюсь взглядом с широко распахнутыми голубыми глазами… ан, нет, это он их просто выпучил, я же на автомате сильнее потянула за майку, вот ворот и врезался в горло, мешая дышать. Говорить, кстати, тоже, а то он бы точно что-то еще ляпнул.

- Что ты тут делаешь? – одним движением затаскиваю идиота внутрь, относительно аккуратно (не швырнула со всего маху, уже благодарить должен) поставив на пол. Немного отвыкшие от солнца глаза, буквально слепит от широкой улыбки (клянусь, она лучше, чем зеркало, отражает лучи солнца!), еще немного и я пойду искать солнцезащитные очки.

- Я проведать пришел, даттебайо, - еще недавно дувшийся мальчишка смущенно краснеет, мнется, начинает бегать глазами по палате. Пустой, в ней нет ни цветов, ни фруктов. Еще пару минут назад это меня не беспокоило, но сейчас неприятно царапнуло сознание. Если бы не разобранная постель, можно было бы решить, что палата пуста и ожидает своих пациентов.

- И? – приподнимаю бровь. В данный момент Наруто меня раздражал, разрушая мрачный мирок, что я вокруг себя создала. Он был слишком ярким для этого места, пропитанного моей

болью.

- Вот, - неожиданно мне в руки впихивается что-то отдаленно напоминающее огромную тарелку-кисушку(кисушка – глубокая чаша в форме пиалы). – Я гостинец принес…

Под моим взглядом он тушуется, с каждым словом говоря все тише и тише, пока совсем не замолк и растерялся. На мгновение во мне мелькнула жалость. Наруто не был виноват в моем состоянии, срываться на нем было подло. Остатки здравомыслия и той погибшей учительницы, что отчаянно желала стать такой же, как вытащившие ее из кошмара воспитатели, не дают вышвырнуть ребенка и бросить подношение вслед. Я просто распаковываю спрятанный в каком-то подобии кулька гостинец. Это…

- Рамэн?

- Это не просто рамэн, даттебайо, а рамэн с двойной свининой от старика-Теучи! – видимо удивление в моем голосе было сильным, раз Наруто встрепенулся и тут же яростно бросился защищать принесенное угощение. - У него лучший рамэн в Конохе, даттебайо!

Молчу, просто смотря на возбужденно блестящего глазами ребенка, который увлеченно расписывает, какой прекрасный рамэн он мне принес и мне… стыдно. Меня не мог поколебать Некомата, прячущий слезы у моей постели брат вызывал сочувствие, но не более. Слишком долго копилось непонимание и обида на использование меня, как отвлекающий фактор для отца, мне тяжело было это простить. Нытье Хацуюки не могло вызвать реакцию, но сейчас… я будто проснулась. Находящаяся в руках чашка рамэна казалась слишком тяжелой для меня, ведь я понимала, что именно она значила для Наруто, который совершенно не помнил близких. В руках я держала не обычное, совсем непритязательное блюдо, он передал мне символ своей надежды, веры в лучшее, веры в то, что у него есть место под солнцем и есть люди, которые его любят.

- Эй-эй-эй, даттебайо! Саске, я не хотел! Не плачь! – на мгновение удивляюсь, поняв, что Наруто прав, по щекам бегут дрожки горячих слез, смывая потеки лекарства для глаз. Я не

плакала с того самого момента, когда мне сказали, что Шисуи мертв.

Громкое урчание чужого живота прерывает мысль, которая еще недавно вгоняла в депрессию.

- Даттебайо! – мальчишка вспыхивает, стоит ему встретиться с моим удивленным взглядом и отводит глаза.

- Я не съем столько, составишь компанию? – я давно не говорила такие длинные предложения.

- Правда?! – невольно чуть приподнимаю уголки губ и киваю, видя чужую, ничем неприкрытую радость. Слишком яркую и открытую, именно так и должен выглядеть ребенок его лет… только как он смог сохранить это несмотря на то, что его окружает?

Я не могу вспомнить вкус рамэна, он исчез из памяти. Я даже не смогу сказать, о чем все это время болтал Наруто, постоянно размахивая руками и живо реагируя на любой хмык. Кажется, он был счастлив, что его никто не пытался заткнуть, а я просто тихо наслаждалась ощущением теплой чакры и присутствием человека ничего от меня не требующего. Человека, который еще никогда меня не подводил, не делал просто способом избежать неприятного разговора. Да, мне по-прежнему было плохо из-за потери Шисуи, но… жизнь продолжалась, как бы я не ненавидела это. И у меня все еще есть те, кого я хочу защитить.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/71427/2780567